

УДК 323. 21

Вилков А.А., Колесников К.Ю.*(г. Саратов)*ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОГО ПРОСТРАНСТВА
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПАТРИОТИЗМА

Аннотация. В статье представлен критический взгляд на традиционные теоретические подходы к анализу значения патриотизма в политической культуре, которые обусловлены стремлением утвердить универсальное и наиболее адекватное его определение и понимание. В результате возникает противоречие в трактовке его содержания и мотивационной функциональности, вызванное наличием различных мировоззренческих и идеологических позиций исследователей и общественно-политических деятелей. Чтобы разрешить данное противоречие, авторами предложен оригинальный подход, суть которого состоит в понимании патриотизма как ценности, актуализированной в сложный, всегда конкретный и постоянно меняющийся социально-политический контекст.

Ключевые слова: патриотизм, методология политологического анализа, патриотизм как предмет анализа, патриотизм как ценность политической культуры, социально-политический контекст.

A. Vilkov, K. Kolesnikov*(Saratov)*SUBJECT FIELD PECULIARITIES OF POLITICAL ANALYSIS
OF PATRIOTISM

Abstract. The article contains a critical view on the traditional theoretical approaches to the analysis of values of patriotism in political culture. They are determined by the wish to substantiate universal and the most adequate definition and comprehension of patriotism. There is a contradiction between the interpretation of its content and motivational functionality caused by the presence of different worldviews and ideological stances of scholars and social and political figures. In order to settle this contradiction the authors offer an original approach. According to the authors patriotism is a value actualized in a social and political context which is characterized as difficult, always concrete and permanently changing.

Key words: patriotism, methodology of political analysis, patriotism as a subject of analysis, patriotism as a value of political culture, social and political context.

Такие ключевые политические ценности, как «свобода», «демократия», «гражданские права», «толерантность», включая «патриотизм» дав-

но являются устойчивым предметом для публицистического и научного теоретизирования и соответствующей полемики [1, с. 1–13; 3; 4, с. 157–164; 6; 8; 9, с. 55–66; 10]. Но, как представляется, в этом теоретизировании имеет место довольно существенный изъян. Он заключается в недостаточном внимании к точности понимания и определения того предмета, о котором идёт речь. Точность определения компенсируется относительной общепонятностью сути этого предмета. Когда политик, журналист, учёный говорят о патриотизме как о высшей универсальной ценности, то, вроде бы, аудитория, к которой они обращаются, понимает, о чём идёт речь. Понимает потому, что публицистические апелляции к категории «патриотизм» обычно подразумевают, что на другом полюсе политико-культурного пространства находится своего рода антиценность (антипатриотизм / космополитизм). Патриотизм по логике такого рассуждения противопоставит антиценностям так же естественно и очевидно, как добро противопоставит злу [7, с. 292–303].

Другая сторона этой же проблемы – стремление теоретиков создать универсальное определение «патриотизма», единственно точное и потому годное на все случаи социально-политической жизни. Определения создаются и множатся в соответствии с разными идеологическими трендами. Происходит их операционализация в конкретных политологических и философских исследованиях и политических текстах, в публичных выступлениях деятелей, придерживающихся консервативной, либеральной, коммунистической или иной идеологической ориентации. Но, когда вопрос встаёт в практической плоскости – на какое понимание этого предмета должна быть ориентирована, например, работа по патриотическому воспитанию российских граждан, проводимая институтами государства и гражданского общества, нуждающаяся в единых идейных основах, в стратегическом планировании и проектировании желаемого результата, то выясняется, что никакого ясного ответа на этот вопрос нет? Потому, что все чёткие и даже поддерживаемые наукой определения «патриотизма» несут на себе определённую идеологическую нагрузку.

Более того, ставить вопрос так, что открытие наукой «единственно истинного» понимания сущности патриотизма позволит решить все проблемы социально-политической практики и политической теории, было бы тоже не верно. На практике попытки найти «единственно верное» смысловое наполнение для политических ценностей приносят больше вреда для прогресса политики и других социальных практик, чем пользы. Прежде всего потому, что таким образом формулируется скрытая заявка на идеологическое доминирование того субъекта, которому именно этот «единственно верный» смысл политической ценности наиболее интересен с точки

зрения его участия в политической жизни и который готов уверить себя и других, что именно ему открыта истина.

Сомнительность аналитической продуктивности попыток вывести единое определение «патриотизма» на все случаи социально-политической жизни наглядно можно продемонстрировать на примере образа «орбитальной» модели движения этой ценности в пространстве политической культуры. В такой модели будет условный Центр, роль которого как раз играет «идеальный, настоящий патриотизм». Вокруг Центра на более или менее удалённых от него «орбитах» вращаются различные интерпретации «патриотизма», претендующие на законченность смысла и формы. Модель, на первый взгляд, достоверно описывает сложившуюся на данный момент ситуацию: одни «патриотизмы», образно выражаясь, вращаются по орбитам более близким к Центру, чем другие. Вроде бы выстраивается даже некая иерархия интерпретаций понятия «патриотизм», среди которых при некоторых теоретических усилиях можно найти именно ту, «орбита» которой всего ближе к «Центру-идеалу». У исследователя в этом случае возникает естественный соблазн именно эту интерпретацию назвать верной, или даже единственно верным пониманием сущности «патриотизма».

Но всё это остаётся соблазном, и не более того. Достижению данной цели мешают два обстоятельства. Во-первых, различные исследователи будут по-разному определять сам Центр: какое именно из многочисленных толкований «патриотизма» признать наиболее точным по смыслу и совершенным по форме. Понятно, что для либералов, консерваторов, социалистов, евросепаратистов, сторонников евроинтеграции, националистов и космополитов этот Центр будет существенно различаться. Вторая проблема будет касаться расположения исследователем по «орбитам» прочих научных и публицистических определений патриотизма, имеющих хождение в современном информационном пространстве в зависимости от того, как он видит меру их близости к центральному определению. Видят эту меру исследователи тоже по-разному, в зависимости от своей философской подготовки, приверженности определённым дискурсивным традициям и многих других обстоятельств. Для одного исследователя, например, ближе к Центру должно располагаться военно-патриотическое настроение гражданина и он будет настаивать на том, что наиболее точно смысл «патриотизма» передают определения, делающие акцент на жертвенности и героичности поведения гражданина. Для этого исследователя религиозно-патриотическое настроение гражданина и соответствующий образ его действий будут, соответственно, дальше от идеала и потому дальше от совершенства будут определения патриотизма, делающие акцент на религиозно-нравственной составляющей. Для другого исследователя всё может выглядеть совсем наоборот.

Даже если теоретически представить себе ситуацию, что учёные всё-таки между собой договорились и определили для себя, какое из определений «патриотизма» считать максимально адекватным сущности предмета, то и это не решает проблему. Малейшая подвижка в политическом процессе, малейшее изменение в социальном и властном запросе на актуализацию иных, чем прежде, смыслов и форм патриотического настроения и поведения граждан (как это имело место, например, в период кризиса на Украине 2014 г.), ведёт к тому, что «орбиты» смещаются, а статус центрального определения надо вновь отстаивать в дискуссиях. Ближе к Центру в роли «настоящего патриотизма» оказывается нечто другое, чем прежде виделось теоретикам и практическим политикам. Научные дискуссии об «истинном патриотизме» в этом случае можно просто начинать сначала.

Как переменчивы обстоятельства, можно пояснить на примере. «Мне кажется, – сказал В.В. Путин во время «прямой линии» 17 апреля 2014 г., – ведь только у нашего народа могла родиться известная поговорка: „На миру и смерть красна“. Как это так? Смерть – это что такое? Это ужас. Нет, оказывается, на миру и смерть красна. Что такое „на миру“? Это значит, смерть за други своя, за свой народ, говоря современным языком, за Отечество. Вот в этом и есть глубокие корни нашего патриотизма. Вот отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов и войн и даже самопожертвование в мирное время» [2].

Казалось бы, дана ёмкая и точная формулировка того, в чём и как обнаруживается максимальное приближение реального патриотизма к его мыслимому идеалу. Но признать такую формулировку не просто «единственно верной», а даже оптимальной можно только тогда, если принять во внимание тот контекст, в котором такое приближение состоялось. Это ситуация балансирования российской и украинской политики на грани войны в период «Крымского кризиса» и в условиях последующего обострения отношений России с Украиной и западноевропейскими странами. Возможно, говори российский Президент о сущности нашего гражданского патриотизма в других, менее напряжённых геополитических условиях, он бы сделал акцент на готовности человека пожертвовать на благо Родины своим «человеческим капиталом», знаниями, навыками, политической и культурной активностью, продвигать российские цивилизационные достижения на арену международного сотрудничества и о других подобных вещах. В сущности, он и говорил это неоднократно в прежних своих публичных выступлениях, оценивая перспективы политики модернизации России в начале XXI в.

Более оптимальным в плане методологии изучения «патриотизма» представляется подход, исключаящий необходимость делить разные тол-

кования «патриотизма» на научные и публицистические, правильные и неправильные, исключая также необходимость выведения «идеального типа патриотизма». Подход, учитывающий, что «патриотизм» как ценность сложен по структуре и по своим проявлениям, и вся его сложность, как зеркало, отражает сложность и противоречивость реального политического процесса.

Соответственно, если надо сделать понятие «патриотизм» предметом политического исследования, то структурировать этот предмет надо приблизительно так же, как исследователь структурирует в качестве предмета своего внимания политический процесс. Иначе говоря, выделять в предмете базовые уровни актуализации этой ценности. На каждом уровне политического процесса из мыслей, интересов, действий людей формируются конкретные контексты такой актуализации. Своеобразие этих контекстов создаёт разнообразие форм проявления гражданского патриотизма, которое наука пытается привести к «идеальному типу». Но, может быть, изучать следует не только результат этого процесса, но и сам процесс, а именно то, как, при каких условиях и ресурсах, в каких контекстах формируется тот или иной «патриотизм». Возможно, тогда может появиться фактическое основание для того, чтобы изучать, например, «патриотизм» военнослужащих и гражданских лиц с единых теоретических позиций, но с учётом того, что эта ценность актуализируется в их сознании по-разному. На разных уровнях восприятия ими политической жизни и их участия в этой жизни, в самых разных контекстах, возникающих по ходу такого участия.

Интуитивно мы осознаём, что патриотизм, например, формируемый у курсанта военного училища и у студента, обучающегося по гражданской специальности, не может быть идентичным. В основе патриотизма военнослужащего должна лежать готовность пожертвовать жизнью за Отечество. В основе гражданского патриотизма – готовность отдать на благо Отечества силы и знания. Можно ли их привести к единому знаменателю? В виде «идеального типа патриотизма» это сделать затруднительно. В виде определённой многоуровневой системы, где переход ценности с одного уровня актуализации на другой создаёт новое её измерение – наверное, возможно. Исследователям, надо полагать, если и имеет смысл о чём-то договариваться, так это о более-менее едином понимании того базового перечня уровней политики и создаваемых политикой контекстов, в которых политологу имеет смысл отслеживать разнообразные проявления и трансформации патриотизма.

Единство в понимании исследователями такого перечня действительно необходимо. Оно является методологической предпосылкой к тому, чтобы под исследование «патриотизма» подвести единое предметное основание, и

потом использовать его для соединения отдельных теоретических характеристик конкретных проявлений «патриотизма» граждан в единую картину. Такая картина, возникающая из сложения научных характеристик проявлений «патриотизма» на разных уровнях политического процесса, вполне возможна в той же мере, в какой возможна для современной политической науки общая картина политического процесса, сложенная из его замеров на региональном и федеральном уровнях, на уровне социальных конфликтов и консенсусов, на уровне индивидуальных, групповых и общенациональных интересов и т. д.

Такая картина необходима, во-первых, в той мере, в какой, при всей своей очевидной неполноте, она будет давать политическому аналитику хотя бы общее представление о том, куда и как движется гражданский «патриотизм», каких изменений в современной политике и рисков от этого движения можно ожидать. А, во-вторых, она необходима для прогнозирования динамики патриотических мотиваций в политическом процессе. Исследователь будет отталкиваться не от того, чего ему хотелось бы видеть в политике и чего, возможно, в ней никогда не проявится, а от того, что реально присутствует в разных измерениях на разных уровнях политического процесса и в формате различных человеческих практик.

Политический процесс можно условно разложить на *уровни по вертикали и по горизонтали*. По вертикали осуществляется переход гражданина от созерцания политики и размышлений о ней к непосредственному участию в ней. По горизонтали разворачивается выбор гражданином тех сфер, в которых он может реализовать своё политическое участие, выбор политических практик, в рамках которых такое участие выглядит для него продуктивным. Включая те, которые имел в виду, вероятнее всего, и В.В. Путин в упомянутом его высказывании о патриотизме – военные практики.

«Патриотическое» развитие гражданина по вертикали можно представить как поэтапное нарастание напряжённости патриотического чувства и патриотической мысли при прохождении человеком различных этапов своей социализации. Всё движение политической культуры человека будет устремлено не к какому-то универсальному «идеалу», а к формированию «патриотизма», которое данному человеку свойственно в соответствии с его мировоззрением и конкретными социальными практиками.

Каким же образом тогда возможно изменение в политической культуре человека, когда он в своём движении «по вертикали» меняет не только напряжённость патриотического чувства, но и, порой, отказывается от прежнего своего понимания «патриотизма» в пользу какого-то нового понимания, иногда существенно отличающегося от предыдущего. Изменение становится возможным тогда, когда потребность в реализации своих

патриотических чувств побуждает гражданина распределять это возрастающее чувство в качестве мотивации своего участия в различных социально-политических практиках.

Так возникает то потенциально бесконечное разнообразие измерений «патриотизма», которое обществу и гражданину задаётся, во-первых, интенсивностью возрастания их патриотических настроений, а, во-вторых, спектром социальных и индивидуальных практик, в которых эти настроения могут реализоваться в качестве мотиваций к гражданскому участию.

Каждое такое измерение, устойчиво существующее, или только что возникшее вместе с какой-то новой практикой, может быть изучено и, условно говоря, как пазл уложено в общую картину динамики «патриотизма» в политической культуре общества и индивида. Тем самым появляется возможность измерения патриотизма, меняющегося в зависимости от напряжённости гражданского чувства и реальных возможностей реализовать это чувство в рамках одной или нескольких практик.

Это позволит избежать спекуляций, вроде тех, которые были особенно популярны у отечественных критиков советского опыта гражданского воспитания в 1990-е гг. Тогда, например, популярным объектом критики неожиданно стала фигура Александра Матросова. А в основе критики лежало искусственно сконструированное противоречие: якобы Матросов был детдомовцем и беспризорником, почти уголовником, человеком «пострадавшим от советской власти», но совершил подвиг, стал олицетворением советского патриотизма. В то время как большинство добропорядочных советских граждан, «облагодетельствованных» советской властью, такой подвиг не совершили. На основании ими же искусственно сконструированного противоречия, критики приходили к заключению, что либо биография Александра Матросова сфальсифицирована идеологами сталинского режима, нуждавшимися в «патриотической иконографии», и он не был тем самым детдомовцем и беспризорником, о котором писали военные газеты, либо самого подвига беспризорник и детдомовец Александр Матросов на самом деле не совершал, а ему были приписаны заслуги совсем другого человека. Данное «развенчание подвига» не ушло в историю, оно продолжает кочевать в отечественном интернет-пространстве [5]. Игнорируются или извращаются факты, что множество советских граждан, оказавшихся в похожей экстремальной ситуации, повторили подвиг Матросова, что героическую жертвенность демонстрировали миллионы людей на фронте и в тылу, что, нередко, прежние уголовники достойно воевали за свой народ и Отечество.

В рамки логики такой критики не укладывалось, что человек мог вести себя патриотично в пределах идеологически несостыкующихся между собой социальных практик – асоциального поведения беспризорника и

жертвенного поведения советского солдата. «В девяностые годы, – как отмечает один из современных публицистов, – когда шло злобное развенчание нашей славы, когда враги с наслаждением занимались разгероизацией отечественной истории, доносились и гнусные голоса о том, что Матросов был обыкновенный отморозок, чуть ли не уголовник, которому за какие-то делишки грозил штрафбат, вот, мол, он потому и бросился на дзот. Этой мрази никогда не понять, что такое отдать жизнь за други своя. По понятиям всякой сволочи, жертвовать собой ради других могут только дураки. Как можно разговаривать и спорить с людьми, не имеющими представления о великом, о высоком, с людьми, считающими главной ценностью жизни свою собственную шкуру? Юноша Александр Матросов был не ангел. Оставшийся без родителей, он воспитывался в детском доме неподалеку от Ульяновска. Характером отличался вспыльчивым, после очередной драки сбежал из детского дома, был пойман и переправлен в Уфимскую детскую колонию. После войны об этом предпочитали писать так: „...был обвинён в нарушении паспортного режима”. Вспыльчивостью, конечно, можно объяснить героический поступок Матросова – увидел гибель товарищей, вскипел, пошёл и лёг на амбразуру. Но это не вспыльчивость отморозка. Это – вековое воспитание истинно русского человека, многие поколения которого восхищались примерами Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Фёдора Ушакова. И в такие пронзительные мгновения боя оно сказывается» [11].

Для подобных критиков советского наследия патриотизм как предмет анализа максимально идеологизирован и ограничен. Фактически он признаётся только в предельной форме, в виде жертвенного порыва, когда чувство преобладает над расчётом. Всё, что располагается, условно говоря, ниже жертвенного порыва по вертикали развития патриотического чувства и поведения гражданина, критиками советского патриотизма не признавалось в качестве такового.

Если принять эту точку зрения, то в правомерности надо отказать, в частности, тому определению «патриотизма», которое дал А.С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Это измерение «патриотизма» можно назвать *историческим*, соотнесённым «по горизонтали» с той системой социальных и индивидуальных практик, которая была свойственна прошлым столетиям. В этом измерении «патриотизм», по сути, является антиподом жертвенного порыва. Он есть самопозиционирование человека, обретение им устойчивых точек опоры

для своего мировоззрения в быстро меняющемся потоке политических, экономических, правовых и культурных реалий. То, что А.С. Пушкин назвал «самостоянием» человека. Самопозиционирование требует от человека постоянного поиска координат позиционирования, точек опоры для его патриотического чувства.

Формула верная, но она перестаёт действовать, когда политический процесс ускоряется и перед одним поколением возникает, например, выбор: «гробы» каких «предков», дореволюционных, революционных, послереволюционных ему любить? Особенно, если самим фактом своего существования эти «гробы» нарушают всю целостность личного чувства, делают его неустойчивым и противоречивым. Это не вопрос выбора, любить ли Отечество в славе или несчастьях. Это выбор, что считать счастьем, а что нет. Это вопрос выбора опорных точек уже не только в истории, но и в современности. И его отличие от измерения пушкинского времени будет определяться тем, что «любовь к отеческим гробам» будет включена в совсем иные, современные социокультурные и политические контексты.

Кроме того, наряду с историческим измерением патриотизма, существенную роль играет его *идеологическое* измерение. Оно связано с готовностью человека считать будущее не меньшей ценностью, нежели настоящее и прошлое. В этом измерении «гробы» и «пепелища» мало актуальны, а предмет патриотизма интерпретируется через призму политических идей и идеалов. Поэтому радикальную переориентацию патриотического чувства индивида или общества с одной системы ценностей на другую можно назвать «*революционным*» измерением «патриотизма» (независимо от того, исповедует ли его носитель консервативные, либеральные или социалистические убеждения), поскольку мерилom любви к Отечеству выступает желание радикально изменить связь между прошлым, настоящим и будущим его состоянием.

В реальности эти измерения лишь задают условные границы для становления патриотизма в качестве способности человека переживать собственную позицию в пространстве общественных и государственных отношений как удачную или неудачную. Это границы того, что условно можно назвать динамической моделью патриотизма. В границах из баланса этих трёх измерений возникает то бесчисленное множество реальных личностных патриотических чувств, которые складываются или перемножаются в пространстве общественной политической культуры и создают эффект возрастания или падения патриотических настроений «по вертикали».

Реальный патриотизм всегда существует как состояние постоянного движения чувств и убеждений конкретного человека в этих вертикальных и горизонтальных границах, как приближение к одной границе и удаление

от другой. Стабильно устойчивое состояние достигается крайне редко. Более того, оно свойственно, прежде всего, тому типу политической культуры личности, который можно назвать радикальным (в крайней форме – экстремистским, когда любовь к Отечеству в одном пограничном её измерении заставляет человека ненавидеть всё остальное, что этому измерению не соответствует). В этом смысле рост экстремистских настроений в современных обществах вполне объясним именно как тенденция к доведению до крайности патриотического чувства.

Литература:

1. *Абрамов А.В.* Современный российский патриотизм: каков он? // Вестник Московского государственного областного университета: электронный научный журнал. 2013. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/508> (дата обращения: 16.01.2015).
2. Владимир Путин: «Патриотизм – неотъемлемая суть нашего народа». Президент России об особенностях и «мощном генетическом коде» русского человека [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/04/17/vladimir_putin_patriotizm_neotemlemaya_sut_nashego_naroda/ (дата обращения 16.01.2015).
3. *Вырицков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Патриотизм XXI века: осмысление и воспитание. Волгоград, 2003. 209 с.
4. *Ефимов Н.* Патриоты и негодяи // Молодая гвардия. 2010. № 4. С. 157–164.
5. Загадки истории: Подвиг Матросова. Как оно было на самом деле [Электронный ресурс]. URL: <http://diletant.ru/articles/48109/> (дата обращения 16.01.2015).
6. *Зюганов Г.А.* Россия – Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996. 397 с.
7. *Иванова С.Ю.* Государственный патриотизм – альтернатива идеологии национализма и космополитизма // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 292–303.
8. *Ильичев Н.М.* О патриотизме истинном и мнимом // Красный воин, 1994. 7 марта.
9. Круглый стол «Российский милитаризм – препятствие модернизации» // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 55–66.
10. *Левашов В.К.* Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М.: РИД ИСПИ РАН, 2006. 176 с.
11. *Сегень А.* Жизнь за други своя – 60-летие бессмертного подвига Александра Матросова у деревни Чернушки [Электронный ресурс] // URL: <http://ruspropaganda.ru/archives/389> (дата обращения 16.01.2015)
12. *Флоровский Г.* О патриотизме праведном и греховном // Из прошлого русской мысли. М.: Издательство «Аграф», 1998. С. 132–165.